

выгонов имело некоторую объединяющую тенденцию), но общий производственный интерес, общие интересы мелкого земледельческого хозяйства, гарантии простого воспроизводства и, в особенности, влияние не вполне забытых связей кровнородственного единства³⁷. На это не обращал внимания Панченко, который вообще мало интересовался народными массами.

Панченко полагал, что функции общины ограничивались распоряжением земельными угодьями, находившимися в общинной собственности, и что за пределами этого не было общинности. Это его глубокое заблуждение. Функции общины, всего населения села, могли быть очень значительными и разносторонними и в условиях частной собственности. Ф. Энгельс писал, что «по образцу маркового строя создавались уставы бесчисленных вольных товариществ средневековья, основанных не на общности землевладения³⁸. Средневековые цехи представляли собой сплоченные объединения мелких частных собственников. Цех, безусловно, не имел права лишить мастера его собственности — орудий производства, но у него были самые широкие права, регулирующие внутреннюю жизнь в цехе и регламентирующие производство. Подобные же функции имела и сельскохозяйственная община: Земледельческий закон давал общине широкие возможности вмешиваться в жизнь деревни, и нужно думать, что наблюдение за выполнением правил Земледельческого закона лежало именно на старшине — *protēōn* — сельской общины. Более важные дела, вроде спора о границах села с соседями, решались при участии всего населения деревни. С тех давних пор, когда прекратилось общинное пользование землей и прекратились переделы, основная функция общины вовсе не связана была с распоряжением земельными участками — сплоченность села выражалась в гарантии беспрепятственного хозяйствования крестьянина на его парцелле и установлении тех взаимоотношений внутри населения села, которые соответствовали бы общим производственным интересам сельчан.

В связи с этим необходимо коснуться вопроса об отношении Панченко к славянскому влиянию на византийское сельское хозяйство. Здесь мы можем отметить порочные элементы методологии Панченко. Он искал доводов для признания славянского влияния исключительно в тексте Земледельческого закона и совершенно отвлекался от общеполитической обстановки в Византии VII—VIII вв. Панченко полностью отвергал мысль о славянском влиянии на обычное право, зафиксированное Земледельческим законом, поскольку прямыми показаниями источников это доказать невозможно. Но он не учитывал воздействия многочисленных поселенцев-славян, о расселении и об общинах которых на византийской территории Панченко сам писал в различных статьях³⁹. Именно этим отрицательным отношением к проблеме славянского влияния Панченко нанес больше всего вреда своей репутации как ученого, в силу чего стали игнорировать и положительные стороны его труда, его основную концепцию, мало связанную с теорией славянского влияния.

Если положения о частной собственности у свободного крестьянства аргументированы Панченко достаточно убедительно, то в вопросе о паричской собственности допускается много натяжек и неточностей. Панченко стремился доказать, что парики имели право на отчуждение своего имущества, своего земельного участка и тем самым могли передавать свое тягло другому лицу. Однако в вопросе о необходимости разрешения сеньора на такую сделку у Панченко нет ясности.

³⁷ См. мою статью «О характере и сущности византийской общины...», стр. 36.

³⁸ Ф. Энгельс. Марка. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 19, стр. 336.

³⁹ В. А. Панченко. Памятник славян в Византии.